

Чалаби Б.Ф.

ВОСЬМЫЕ ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ АКАД. В.С. НЕРСЕСЯНЦА. «ПРАВО И ЛИТЕРАТУРА»

Аннотация: Сообщение о Восьмых философско-правовых чтениях памяти академика В.С. Нерсесянца, состоявшихся 2 октября 2013 г. в Институте государства и права РАН. Чтения стали первым в российском правоведении событием, посвященным широко обсуждаемому с 1970-х гг. в мировой науке направлению «Право и литература». Основной замысел организаторов свелся к созданию условий для совместного осмысления правоведами типичных вариантов рассмотрения темы «право и литература» с обращением к исследовательским наработкам зарубежной науки, а также для возможного использования этих наработок в интересах публичного и профессионального правового просвещения. Участники представили свои взгляды на проблемы взаимодополняемости и взаимопомощи правоведения и художественно-образного постижения мира правого общения и юридических конфликтов, а также уяснения роли и значения художественной литературы в воспитании подрастающих поколений, приобщив к анализу общеобразовательный опыт национально-культурный, общенародный, мировой и цивилизационный.

Abstract: The report of eight philosophical and legal readings to the memory of the academician that took place on the 2nd of October, 2013, in the Institute of State and Law of RAS (Russian Academy of Sciences). The readings became the first event in Russian jurisprudence dedicated to the direction "Law and Literature", widely discussed in 1970 in the world of science. The main idea of the organizers came down to creating the conditions for joint consideration by jurists of exemplary embodiments of the topic "Law and Literature", with reference to the research of the best practices of foreign science, as well as to the possible use of these best practices for the benefit of the public and professional legal education. The participants presented their views on the problem of complementarity and mutual assistance in law, and artistic-imaginative comprehension of the world of law communication and legal conflicts, as well as understanding the role and importance of literature in the upbringing of younger generations, attaching both general educational, national and cultural experience, as well as nationwide, world and civilization experience to the analysis.

Ключевые слова: юриспруденция, теория права, история права, философия права, антропология права, право и литература, общество, тюрьма, справедливость, междисциплинарные исследования.

Keywords: jurisprudence, legal theory, legal history, law philosophy, law anthropology, law and literature, society, jail, justice and inter-disciplinary studies.

Информационное письмо традиционных, уже восьмых по счету философско-правовых чтения памяти академика В.С. Нерсесянца, состоявшихся 2 октября 2013 г. в Институте государства и права РАН¹, вызвало у адресатов живой, полный творческого энтузиазма отклик. Это объяснимо: намеченная тематика заполняла застарелый вакуум, образовавшийся в российском (да и во всем постсоветском) правоведении.

За рубежом словосочетание «право и литература» давно известно всякому юристу-школяру. Калифорнийский университет издает одноименный журнал, конференция Европейского общества по изучению права и литературы проходит уже в девятый раз, а для школы права Корнельского университета (США) в апреле 2013 г. пришел черед проводить симпозиум уже на тему «Новые направления в Law & Literature», тогда как отечественная библиография и о существовании «старых направлений» умалчивает. Более того, на сегодняшний день в России существуют лишь единичные примеры подступа к

¹ Чтения проводились при финансовой поддержке РГНФ, проект № 13-03-14045

проблематике в статьях и небольших монографиях, принадлежащих авторству литературоведов, но почти никогда не юристов. Сам Владик Сумбатович Нерсесянц, тонкий знаток русской литературы, не чуждый упражнений в поэзии, не решился обратиться в своих исследованиях к юрико-литературоведческой проблематике, за исключением, пожалуй, вынужденных отсылок при обсуждении древнегреческих представлений о праве и законе. Таким образом, Восьмые философско-правовые чтения стали первым всероссийским научным мероприятием, посвященным всестороннему обсуждению темы «Право и литература».

При таких обстоятельствах основной замысел организаторов, выраженный во вступительном слове профессором В.Г. Графским, свелся к созданию условий для совместного осмысления правоведами типичных вариантов рассмотрения темы «право и литература» с обращением к современным исследовательским наработкам, а также возможного использования этих работ в интересах публичного и профессионального правового просвещения. Приступая к составлению пояснительной записки к программе чтений, организаторы исходили из того, что художественная литература – массовая и элитарная – с необходимостью воспринимается как мифопоэтическое, художественно-образное и критически осмысленное отображение права с его атрибутами (требованиями справедливого, примиряющего и общепольного характера и назначения). Для понимания традиционного русского же индивидуального и общественного бытия весьма существенны понятия и представления о добре и порядочности, об интуитивно воспринимаемой законности как о чем-то установленном на время или навсегда для поддержания общежитийской правды-справедливости, сочувствия слабым, больным и попавшим в беспомощное положение (нищенствование), включая утрату свободы (тюрьма или каторга). Таковы некоторые выборочно взятые общие начала совместной мирной жизни и трудов, хранимых веками в русскоговорящей среде и передаваемые не только в домашнем воспитании, но и в художественной литературе. Другие ипостаси художественно-образного и символического отображения правовых начал, правопользования и правоприменения, обнаруживают себя в сюжетной живописи, архитектурной символике, в кино и телевидении, в изящном изобразительном и музыкально-песенном искусстве, общественной публицистике, популярной исторической и нравову-

чительной литературе. Среди возможностей обсуждения такой тематики потенциальным участникам было предложено обратить внимание на проблемы взаимодополняемости и взаимопомощи правоведения и художественно-образного постижения мира правового общения и юридических конфликтов, а также уяснения роли и значения художественной литературы в воспитании подрастающих поколений, приобщив к анализу общеобразовательный опыт национально-культурный, общенародный, мировой и цивилизационный.

Участниками чтений стали свыше 80 представителей научной общественности, традиционно представляющих ведущие исследовательские центры России и стран СНГ. Отрадно, что в этом году к ним присоединились также исследователи из стран Балтии и Западной Европы.

Прежде всего, перед участниками чтений, учитывая отсутствие отечественных или переводных монографических исследований по проблематике, стояла задача очертить предметное поле и дать ретроспективу уже существующих работ в области «право и литература». Эту задачу взяла на себя младший научный сотрудник ИГП РАН, к.ю.н. **И.В. Борщ**.

Оказывается, «право и литература» как область исследований и подход, объединяющий элементы правоведения и литературоведения, представляет собой явление редкое. Этот подход существенно выделяется в ряду прочих («права и политики», «права и экономики и т.п.), потому что в нем мир права сталкивается не просто с другим предметом и методом научного интереса, но с миром художественной реальности, миром искусства, миром творческого вымысла, миром художественного познания природы человека. Противники этого подхода (один из самых заметных – американский правовед Р. Познер²) утверждают, что даже если литература включает в себя описание правовых ситуаций, она не способна сообщить юристам ничего объективного, так как всегда представляет собой

² См.: *Posner R.A. Law and Literature: A Misunderstood Relation.* Cambridge (Mass.), 1988 или исправленные и дополненные издания (1998, 2009). Показательно, что единственная русскоязычная рецензия на эту фундаментальную работу подготовлена ученым-филологом и опубликована в журнале «Новое литературное обозрение» (№ 112. 2011).

плод авторской фантазии, описание вымышленных ситуаций и характеров. Сторонники настаивают на том, что в описании социальной жизни и человеческой ситуации литература зачастую способна к большей честности и объективности, чем публицистика и политико-административные описания человеческой реальности.

Прославленный американский юрист Дж.Г. Вигмор еще в самом начале XX в. утверждал, что изучение литературы не просто желательно, но необходимо для профессионального юридического образования: юрист должен тонко понимать человеческую натуру, достичь этого понимания возможно, обращаясь к литературному вымыслу – «галерее, взятой с натуры»³. Широкий же масштаб исследования направления «права и литература» приобрели лишь с 1970-х гг. Так, существенной вехой стал выход в 1973 г. Дж.Б. Уайта «Правовое воображение»⁴. Уайт рассматривает литературу и право как деятельность и только затем как продукт этой деятельности. Под действием, которое лежит у оснований как права, так и литературы, имеется в виду вербальная активность, говорение, речь. Поэтому право, полагает автор, как организация жизни через язык-говорение-речь, изначально связано с литературой, по самой своей природе, прежде всякого междисциплинарного исследования. По мнению другого знакового для направления исследователя, Р. Вайсберга, связующим звеном в междисциплинарных исследованиях права и литературы, является не только человеческая природа, но и язык. «Право изначально было связано с литературой как формализованная попытка структурировать реальность через язык и до сих пор сохраняет свою литературную сущность»⁵.

Несмотря на то, что наиболее глубоко направление укоренилось в англо-американском правоведении, европейские исследователи также не одеяют его своим вниманием. Так, известная книга бельгийско-швейцарского ученого Фр. Оста «Рассказывая о законе: у истоков юридического воображения»⁶ посвящена рассказам об учреждении закона. Автор

анализирует три фундаментальных для европейской культуры текста: библейскую книгу «Исход», «Орестею» Эсхила и «Антигону» Софокла. Он обращает внимание не столько на сами законы, сколько на рассказ: все три истории соотносят законченную и совершенную в самой себе форму нового закона со сложной реальностью бытия человеческого. Таким образом, Ост показывает, что для людей всегда было важен не только сам закон, но и та ситуация, в которой он был дан. Любой рассказ, повествующий о законодательном или судебном процессе, уже является нарративом, уже находится в смежной области права и литературы. В другой книге Оста «Перевод: защита и иллюстрация мультилингвизма»⁷ обсуждается тема общего универсального языка в контексте дифференциации современного знания. Вопрос о междисциплинарном подходе к праву неизбежно ставит проблему языка. Можно ли говорить о праве, литературе, социальной и политической жизни на одном языке? Или же это разные, непересекающиеся типы дискурсов? Не становятся ли междисциплинарные исследования права и литературы поисками совершенного общечеловеческого языка – проектом, утопическим по сути? Опираясь на философскую мысль (прежде всего, на герменевтику), Ост называет перевод парадигмой существования общего языка. Перевод это не «приговор» человечества после «вавилонского проклятия», но усилие его преодоления, которое автор называет «языковым гостеприимством». Перевод делает возможным диалог знаний, политических позиций, а также духовности, религии и секулярности.

В каких модусах возможно развивать эти разработки на российской почве, учитывая как западный опыт, так и идейное своеобразие российского правового и образного мышления? Пример синтеза традиций показал доклад члена-корреспондента РАН Ю.М. Батурина на тему «Страна гамлетовского сознания (интерпретация перехода к цивилизму по В.С. Нерсесянцу)».

Одним из ключевых положений теории, созданной В.С. Нерсесянцем, является переход от социализма к цивилизму, результат которого – «общественный договор», основанный на принципе равного права каждого на одинаковую для всех граждан долю десоциализируемой собственности. Между тем, за 20 лет, прошедших с момента прощания с социализмом, этот переход так и не состоялся.

³ См.: *Wigmore J.H.* A List of Legal Novels // *Illinois Law Review*, Vol. 2. 1908. P. 574 cff.

⁴ *White J. B.* The Legal Imagination: studies in the Nature of Legal Thought and Expressions. Boston, 1973.

⁵ *Weisberg R.H.* Diritto e letteratura // *Enciclopedia Scienze Sociali Treccani*. Roma, 1993. Vol. 3. P. 107.

⁶ *Ost F.* Raconter la loi. Aux sources de l'imaginaire juridique. Paris, 2004.

⁷ *Ost F.* Traduire: défense et illustration du multilinguisme. Paris, 2009.

Следовательно, правомерен вопрос: верна ли теория В.С. Нерсесянца? Если все же верна, то почему ожидание цивилизма затянулось?

Между тем, исторические повороты никогда не совершаются мгновенно. Французский историк Ф. Бродель ввел понятие «долгой длительности» – времени существования долгосрочных общественных структур и значимых процессов общественного развития, имеющих подлинно историческое значение, в противовес «короткому времени» – времени быстро протекающих событий. Эти события важны на развилках истории, они обуславливают ее возможные пути развития. В.С. Нерсесянец допускал возможности альтернативных цивилизму путей, хотя и видел их регрессивными. Кроме того, 20 лет – срок в историческом масштабе небольшой, вполне подходящий под критерии периода бифуркации (или полифуркации) – времени хаотического состояния, предшествующего переходу системы в качественно иную фазу.

Хорошую аналогию такому осмыслению перехода к цивилизму дают трагедии Шекспира «Король Лир» и «Гамлет». Англия в «Короле Лире» – страна накануне полифуркации. Рост хаоса в ней можно представлен и междоусобной войной, и конфликтом в королевской семье. После кульминации – сцены сумасшествия Лира на фоне бури (наглядного образа природного хаоса) – рождается новый порядок, иная структура власти. Подобным переходом может стать смена социализма цивилизмом. Настолько долгий срок этого перехода объясняется тем, что замедление характерно для любой сложной системы при ее переходе в критическое состояние (феномен такого замедления был замечен еще литературоведом В.Б. Шкловским, работавшим в 1914-1923 гг.). Подобным образом и Гамлет медлит с кровной мстью, когда для нее нет никаких препятствий. Борьба Гамлета с собой вписывается в историческое событие – смену эпох («вывих времени», по выражению Шекспира). О такой же смене эпох пишет В.С. Нерсесянец. Мировоззрение наступающей эпохи не дает Гамлету пойти на убийство, и, тем самым, обманывает ожидание зрителя. Но когда в конце пьесы Гамлет уже смертельно ранен и зритель понимает, что отмщения не будет, закон кровной мести из уходящей эпохи вновь дотягивается до принца, и тот убивает короля, вновь нарушая логику зрителя. Примерно то же происходит со страной, ожидающей перехода к цивилизму. Всякое событие обманывает ожидания, что, однако, не исключает возможности исполнения этих

ожиданий. Масштабы, в которых живет человек, и масштабы истории, совершенно разные.

Профессор **А.И. Ковлер**, много лет состоящий в Обществе исследования творчества А. Камю, посвятил свой доклад отмечаемому в ноябре 2013 г. 100-летию знаменитого писателя и нобелевского лауреата. Проблема Справедливости и как ее антипод идея Абсурда стали сквозными темами его художественного творчества и публицистики. Своеобразным ответом этой проблемы уже в ранних произведениях начинающего писателя возникает параллельная тема морали и права.

С детства познав нужду и нищету бедных кварталов Алжира, чудом вырванный учителем из уготовленной ему участи быть отданным «в люди», он впитывает в себя знания и культуру, как солнце и море, окружающие его со всех сторон. Вынужденный рано зарабатывать на жизнь, он становится судебным репортером и наблюдает колониальное правосудие в действии. Роман «Посторонний» – яркая сатира на правосудие, основанное не на идее справедливости, а на буржуазном морализме.

Для Камю подлинную ценность обретает «правосудие праведных». На примере русских народовольцев он в пьесе «Праведные» ставит в духе Достоевского дилемму: оправдан ли террор ради достижения вселенской справедливости. Не пожелавший бросить бомбу в карету великого князя, в которой были дети, главный герой Степан говорит: «Я не буду умножать живую несправедливость ради мертвой справедливости...». Свою вину народовольцы искупают ценой собственной жизни и поэтому они для Камю и есть «праведники». Правда, разгул насилия в годы войны в Алжире побудит его занять более жесткую позицию по отношению к «революционному террору».

Известно резкое неприятие Камю любого угнетения человека, эта позиция отображала прежде всего его представления о морали общества. К наихудшему проявлению аморальности общества и государства он относил существование смертной казни в мирное время. Его «Размышления о гильотине» (1957) во многом предвосхитили поворот во французском и европейском общественном мнении в пользу отмены смертной казни.

Моральная установка для любого художника, по убеждению А. Камю, «понимать, а не судить». Но он оправдывал любой бунт – причем в любой его форме – если он направлен против несправедливости. Призвание писателя, по его убеждению, это

жить проблемами своих современников и не бояться ставить себя под удар («Шведская лекция», декабрь 1957). Идеал для него – общество, где правит не судья, а творец, будь он труженик или интеллигент. Право же выступает как воплощение человеческих устремлений к справедливости. Каждый человек самый беспощадный судья сам себе («Падение») и этот суд морально оправдан. В любом случае моральный выбор – самостоятельный выбор каждого («Первый человек»).

Заведующий сектором истории государства, права и политических учений ИГП РАН, д.ю.н. **В.Г. Графский** представил свою позицию в виде тезисов, вошедших в предварительно напечатанный сборник. Он, в частности, подчеркнул, что правоведение и литературное творчество имеют известное сходство в восприятии и обобщении окружающего мира. К примеру, факты повседневной жизни более или менее адекватно отражаются в сюжетах и образах художественной литературы, причем реалистическое или утопическое художественно-образное истолкование человеческой жизни, так или иначе, берет за образец доминирующее представление о должном и недолжном поведении и соответствующих ценностях современников из окружающего или удаленного состава объектов наблюдений и предметных размышлений писателя. Точно также поступает и законодатель, когда устанавливает либо фиксирует уже установленные правила и принципы правового общения. Тем не менее, в негласном соревновании по обеспечению наиболее внятного и одновременно адекватного словесного восприятия жизненных событий и отдельных фактов, включая сложные общественные или политические процессы, законодатель всегда уступал и продолжает уступать поэту и писателю. Показательный пример из творчества Шекспира: его образ «кусающихся законов» («Мера за меру». 1.3.21) увековечил удивительно живучий смысл традиционных карательных законов.

На протяжении многих веков существования юриспруденции визитной карточкой профессионала-юриста был и остается афоризм Цельса о том, что «право есть искусство пользы и справедливости» (выражение *jus est ars boni et aequi* переводится также «искусство доброго и справедливого» или «наука добра и справедливости»). Это памятное истолкование можно воспринимать и в ином контексте, в частности, в моральном, этическом, эстетическом или подходящем другом смысле, который так или иначе напрямую связан с необъятностью

и высокодуховным предназначением слова «справедливость». Немецкие юристы хорошо знали этот афоризм, но в народе оставили о своей деятельности неблагоприятное впечатление, увековеченное зарифмованным для удобства выводом: “*Juristen, böse Christen*” («юристы – дурные христиане»). Схожий вывод запечатлен в сказке Ш. Перро в отношении прокурорского сословия. Социологи права отмечают: сюжеты, подобные сказкам Перро и их аллюзии в художественных фильмах и особенно, в мультфильмах Диснея, во многом содействовали повышенному вниманию к правовому статусу, просвещению и правовому воспитанию подрастающих поколений. Это произошло на протяжении новейшей истории и осуществлялось путем необходимой законодательной фиксации прав и необходимых свобод детей и подростков с тем, чтобы эти законодательные новации содействовали их умственному и нравственному становлению как личностей и как сограждан.

В настоящее время наиболее распространенными версиями трактовки главного отличительного признака права считается норма или свобода или справедливость. Помимо всемогущего – в силу распространенности и общепризнанности – этактистского толкования (его можно назвать также нормистским, поскольку оно изображает право совокупностью одобренных государственной властью норм) – все большую авторитетность обретают еще два. Одно из них, его можно назвать либертариистским, сводит право к требованию определенной меры, а также формы или нормы свободы, главным образом внешней, но во взаимодействии с внутренней свободой (по природе своей моральной и нравственной), а другое толкование права настраивает на ориентацию, которую – в традиции, идущей от времен Русской Правды Ярослава – можно назвать правдоискательной, поскольку только она воспринимает право в его главной, наиболее притягательной и авторитетной нацеленности важнейшим путем отыскания и применения правил общепризнанной законной справедливости. Последнюю версию издавна поддерживает и правоведение⁸, и литературно-художественное воображение. Приведем пример полувековой давности. Из пьесы Е. Шварца: «*Санчо*. Сеньор, сеньор, скажите мне хоть словечко на рыцарском языке – и счастливее меня не разыщется

⁸ *Aequum et bonum est lex legum* («Справедливость и благо есть закон законов»).

человека на всей земле. *Дон Кихот*. Сражаясь неустанно, доживем мы с тобою, Санчо, до золотого века. Обман, коварство и лукавство не посмеют примешиваться к правде и откровенности. Мир, дружба и согласие воцарятся на всем свете. Справедливость уничтожит корысть и пристрастие. Вперед, вперед, ни шагу назад!»⁹

Политический социолог Р. Миллс отмечал, что любой большой современный художественный роман можно смело уподобить значительному социологическому исследованию и одновременно комплексному обобщению социальной групповой и индивидуальной жизни. В правоведении и законотворчестве также имеют место элементы исследовательские и многосторонне аналитические, но здесь все ограничено вполне определенными и заранее известными целями, а также способами их реализации, ожидаемыми социальными и иными последствиями. Например, многие страны так называемой англо-саксонской системы, которые не имеют кодифицированного законодательства, вынуждены принимать такие сложно-составленные и многоаспектные законы (иной раз даже межотраслевого характера), что их можно (и бесполезно) воспринимать как итог изучения и обобщения комплексного социального, политического, психологического и, возможно, этического и эстетического характера. В результате отдельные законы выглядят похожими по объему и относительно замкнутой комплексности регулирования на обособленный и самодостаточный кодекс (т.е. становятся книгой) особым образом систематизированных законодательных установлений. Таков, к примеру, комплексный закон об организованной преступности, занимающий автономное место в общефедеральном своде законов США, где общефедеральные кодексы законов отсутствуют.

Содержательные профессиональные характеристики художественной литературы, узаконений или правовой культуры тоже имеют элементы сходства, которые перемежаются с элементами контраста. Для представителей просветительной и воспитательной специализации в среде литераторов и юристов существенна их моральная и в целом мировоззренческая ориентация, которая во многих отношениях образует если не важнейшую, то, по крайней мере, существенную социально-психологическую особенность таких деятелей и воспитателей.

Значительно меньшей по влиятельности воспринимается роль конкретной профессионально-ориентационной принадлежности в общественном разделении труда – у литераторов разделение на поэтов и прозаиков, у юристов на теоретиков и специалистов в отраслях законовещения. Взаимоотношения двух комплексных научно-исследовательских ориентаций и традиций этого рода имеют свои трудности и ограничения, схожие с последствиями внутренних размежеваний в рамках этих двух комплексов. Например, в правоведении до сих пор неясно размежевание философии права и теории права, в литературоведении – между литературной критикой и рефлексивной литературной прозой и поэзией. Еще более трудны для реализации взаимосвязи и взаимная поддержка между такими крупными областями знания и деятельности, как философия и правоведение, психология и правоведение, мораль и право, литературоведение и правоведение. Иной раз при обсуждении онтологических или аксиологических проблем проступает поразительная близость в высказываниях философа и правоведа, юриста и моралиста, юриста и литератора-публициста. Тем не менее, при обсуждении и общей оценке важности вопроса о близости, сходстве и взаимодополнимости подобных конструкций следует проявлять осторожность, предельную аккуратность и честность.

В своем докладе «Порядок и гармония: два типа легитимности в русской прозе» доцент СамГУ, к.ю.н. **Ю.Е. Пермяков** обратил внимание аудитории на общее своеобразие темы чтений. По его мнению, особый интерес общества к литературной трактовке исторических и актуальных событий, «образу власти» и «образу врага» вызван тем, что писатель способен поколебать доверие к властным практикам или, напротив, уверить общество в справедливости и целесообразности мер, предпринимаемых властью.

В силу того, что художественная реальность проецируется на реальность историческую и политическую, авторские трактовки приобретают нормативное измерение: постулируемые литературой образы права, социальных порядков и, соответственно, угроз влияют на общественную оценку эффективности и легитимности социальных институтов и, что особенно важно, на решение вопроса о достаточности правовых средств для устранения источников социальной опасности.

Уже по этим причинам правоведа должны бы испытывать интерес к легитимирующей роли литературы. Тематика конференции, безусловно, не

⁹ Шварц Е.Л. Дон Кихот. Литературный сценарий (1956) // Дракон: пьесы, сценарии. М., 2011. С. 605.

вписывается в предмет теории позитивного права (в этом аспекте выступавший разделил мнение другого участника чтений, М.В. Антонова). Но она близка философии права, чей непосредственный интерес – правовое мышление. Она однозначно входит в предмет теории правовой политики, исследующей вопросы правового воспитания и пропаганды, а также приёмы манипуляции общественным правосознанием в медиапространстве.

Задачи и выразительные средства писателя меняются в зависимости от рода литературы. Одно дело драма, где нас ждет «спокойное бытие и действие вещей согласно их природе» (Ф. Шиллер), и другое дело – роман, где герой всегда застаёт некий порядок и не совпадает с ним; этот описываемый художественными средствами конфликт и составляет главное событие литературного произведения. Если герой расположен внутри нравоучительного романа, построенного по законам классицизма, где все неподвижно и предопределено, у него нет никаких шансов на поворот судьбы вопреки своей говорящей фамилии. Но если повествуется о непредсказуемой (порой – для самого автора) судьбе героя, в сюжете сталкиваются по меньшей мере два порядка – внешне данный, который герой застаёт в начале произведения, и смысловой, привнесённый им его отношением к действительности.

Современная русская проза резко различается внутри себя самой: массовая литература опирается на шаблоны и повествует о событиях, помещённых в поле устойчивых значений. Интеллектуальный текст, напротив, всегда подводит читателя к границе дозволенного и недозволенного, привычного и невозможного, знакомого и непредставимого: система высших нравственных смыслов испытывает на прочность систему правовых норм и убеждений. Разлука со смыслом предвещает незавидную участь права. Разлука с правом – незавидную участь общества.

Воспетая песенной поэзией XX в. традиция недоверия к праву, власти и нормативности (В. Высоцкий), боязнь простоты, эстетическое отвращение к шаблонам соцреализма и неверие в счастливый исход событий породили в обществе массовый спрос на литературный стёб, в котором отчетливо выражена человеческая озабоченность рассогласованием смыслового строя жизни (гармонии) и социального порядка (Вен. Ерофеев, В. Сорокин, В. Пелевин). С другой стороны, отвечая на вызов времени, писатели решились на поиск новых оснований легитимности в условиях отсутствия консолидирующей общество нормативной

системы – героико-мифологических («Укус ангела» П. Крусанова) и циничных («Асан» В. Маканина).

В докладе на тему «Правда без милости: литературный образ права» профессор Московского университета МВД РФ д.ю.н. **В.П. Малахов** раскрыл содержание четырех тезисов.

Первый тезис – тема права в отечественной художественной литературе тождественна теме правосудия; в иной, чем правосудие, форме право не фигурирует. Литературный образ правосудия всегда создавался и теперь создается или в сатирическом (трагикомическом), или драматическом (если не трагедийном) жанре и изрядно сдобрен негодованием, презрением или иронией.

В литературе сложились художественные образы правосудия прямо-таки «ментального» характера, среди которых образ правосудия, творящего «правду без милости», наиболее позитивен, но от этого не менее трагичен.

Второй тезис – «правда без милости», на первый взгляд, коррелирует с такими аксиомами западного права, как «закон суров, но это закон», «перед законом все равны» и т.п. Однако в русском правосознании, отраженном в литературе, «правда без милости есть мучительство» (Ф. Карпов). Она строга и формально справедлива, но именно потому чужда и недостаточна. У каждого может и должна быть своя правда, и именно она требует милости, т.е. индивидуализации правды. Но такая правда способна только разрушить правосудие.

Третий тезис – художественная литература гиперболизует человека и потому взваливает на его плечи непосильный груз немилосердной правды и надежды. Именно гиперболизация человека превращает правосудие в трагедию.

Четвертый тезис – литература навязывает читателю нравственную позицию по отношению к юридическому, формальному праву, которое вовсе не минимум нравственности, а лишь форма государственной власти. Эта нравственная позиция негативна и она раскалывает общественное и, тем более, индивидуальное правосознание, делает его конфликтным.

Накачивая человека нравственными ценностями и идеалами, литература превращает его правовую жизнь в болезненный процесс, разъединяет людей, ибо нельзя объединить людей только страданием, лишениями, немилосердной справедливостью.

В выступлении «Литературно-художественное восприятие права в его современных толковани-

ях» доцент НИУ-ВШЭ (Санкт-Петербург), к.ю.н. **М.В. Антонов** остановился на проблемных методологических аспектах связи права и литературы. Вчувствование юриста в жизненные ситуации, которые опосредуются правовыми нормами, учат оценивать эти ситуации не с точки зрения безразличного наблюдателя или бесчувственного чиновника, а проникать в суть жизненных проблем и уметь применять правовые нормы не механически, а с оглядкой на чувства и судьбы людей. Но это ставит под вопрос такие базовые постулаты, как верховенство (абстрактного, объективного) права над произволом; разделение властей, где судье предназначено применять закон, не уклоняясь от него по личным мотивам; равенство и справедливость, которые запрещают необоснованное предпочтение одних людей перед другими по усмотрению правоприменителя? Человек, который одновременно является и субъектом определенного правопорядка, и участником определенного культурного сообщества, без труда может соединять в своем мышлении, восприятии, чувстве правовые тексты и литературные образы (наряду с этическими, эстетическими и прочими), комбинируя их и получая в качестве результата мировоззренческое кредо, с помощью которого судит о происходящих вокруг событиях. Если говорить о взаимосвязи права и литературы в этом смысле, то она, несомненно, имеет место. Все связано со всем в силу известного философского принципа всеобщей связи. Но можно ли такую связь права и литературы трансформировать в новую методологию постижения права – на этот вопрос ответ далеко не очевиден. Комбинация знания о правовых текстах с этическими, литературными образами, несомненно, обогатит внутренний мир отдельного человека, повысит его личную культуру. Но художественно-образное восприятие субъективно, поэтому субъективными останутся и суждения, основанные на комбинации правовых текстов с литературными образами. Это является основной проблемой методологии движения «Право и литература».

Существование настолько широкого спектра вопросов и ответов, поднимаемых в обсуждении темы «Право и литература», не обозначает невозможность появления новых. Так, по мнению профессора Санкт-Петербургского юридического института Генеральной прокуратуры РФ, д.ю.н. **И.Л. Честнова**, главный вопрос, заявленный в теме конференции – есть ли связь между литературой и правом, и если да, то в чем она заключается и что

она может дать правоведению? Методологическая связь права и литературы состоит в том, что бытие правовой реальности, как и любого текста, в т.ч., конечно, и литературного, включает знаковую форму, нарративы (или дискурсивные практики) и их интерпретацию. Поэтому изучение права должно включать лингвистические, филологические, в широком смысле, в т.ч. семантические, прагматические и семиотические, методы.

Докладчик подробно остановился на одном конкретном направлении в современной лингвистике – критическом дискурс-анализе и попытался показать его перспективы в деле изучения права. Дискурс-анализ дает возможность выявить отношения власти, скрываемые знаковой формой, дискурсивной практикой, т.е. эксплицировать связи текста (в нашем случае – текста права) и социальной практики, а тем самым обнаружить то, кто, как именно производит и интерпретирует текст.

Тем самым можно утверждать, что политика права – это борьба за номинацию некоторых – выгодных определенной социальной группе – социальных ситуаций и процессов как правовых (правомерных или противоправных). Юридическая практика, в таком случае, – это деятельность по конструированию и воспроизводству правовой системы через означивание (с использованием знаковых форм) социальных ситуаций и процессов как юридических (правомерных или противоправных).

Таким образом, использование методологии литературоведения (лингвистики, в широком смысле слова) позволяет обнаружить те аспекты права, которые скрыты от глаз позитивистов, а также пролить свет на некоторые (гипотетически – все) «вечные» проблемы юриспруденции. Среди них, например, можно назвать следующие: кто является автором текста в связи с проблемой «смерти автора» и его «воскрешения» – законодатель, народ, делегировавший депутатам право издания законов или структура правовой системы? Что подлежит толкованию: буква или дух закона? Какова роль «читателя» (адресата нормы права) и «аудитории» в функционировании правовой системы? Каковы правила интерпретации текста? Как изучать мотивацию как «автора», так и «читателя» – адресата нормы права? Каково содержание дискурсивной практики и ее интерпретации в юриспруденции?

Четыре тезиса содержались в докладе доцента Самарской государственной областной академии (Наяновой), к.ю.н. **В.А. Токарева**. Прежде всего,

было отмечено, что качественная литература отличается правдоподобием сюжета, т.е. дистанцией, установленной автором между реальностью и ее отражением в тексте. Уклоняясь от поиска объективной истины, современное правосудие воссоздает такую дистанцию в правовых отношениях и определяет вину как факт, обнаруживаемый без непосредственного участия субъекта права. Во-вторых, за ограничение насилия, применявшегося к нему в инквизиционном процессе, субъект платит отчуждением от интерпретации своих действий, и, в конечном счете, от самих действий, совершенных им по причинам, не всегда понятным суду, но дающим широкий простор воображению писателя (произведения Ф. Дюрренматта, Ф. Кафки и др.). В-третьих, трагедия субъекта права, как ее представляют авторы XIX-XX вв., заключается не в необходимости жить с чувством вины, а в неспособности осознать вину, сконструированную инстанцией *a priori* и предъявляемую *post factum*, т.е. добровольно и сознательно принять ее как собственную вину и тем самым получить прощение. Постепенно вина выходит из-под контроля суда и становится самостоятельной участницей процесса, не привязанной к конкретным поступкам подсудимого. В-четвертых, критикуя демократическое правосудие, писатели, обеспокоенные его претензиями на правдоподобие, не замечают того, что оно лишено референта в лице трансцендентной инстанции, продуцирующей истину, и вынуждено вершиться в замкнутом кругу фактов. Такое положение вещей обусловлено природой демократии, оставляющей пустым место суверенной власти и разрывающей привычные связи, чтобы проводить новые различия, в том числе между правдой и вымыслом.

На литературном преломлении темы правосудия остановилась и ведущий научный сотрудник ИГП РАН, к.ю.н. **Н.Н. Ефремова**. Проблема суда праведного и возмездия справедливого сохраняет свою непреходящую актуальность на протяжении всего цивилизационного периода существования человечества, поскольку затрагивает чрезвычайно важные материальные и духовные стороны его жизни, включая саму жизнь индивидуума, его свободу, неприкосновенность, честь, достоинство, собственность и прочие гуманитарные ценности. Она значима и для церковной, и для светской юрисдикции, для воспитания религиозного, нравственного, и правового сознания и понимания названных категорий: суда праведного и возмездия справедливого.

Литература в целом на протяжении тысячелетий выполняет, наряду с другими, воспитательную и просветительскую функции, поскольку ее разнообразные виды, жанры, стили, направления, художественные и реалистичные образы, модели поведения героев и прочие средства способны влиять не только на рациональное, но и чувственно-эмоционально восприятие читателя. Поэтому широкое использование в мировой литературе озаглавленной темы обусловлено общественными потребностями и выполняет важную миссию привития правового мышления, навыков и образцов правового поведения, утверждения в сознании читателей правовых ценностей, предостережения от неправового поведения. Каждый вид и жанр литературных произведений обладает своей потенцией и адресован к своему читателю. Соответственно для выполнения указанных задач может быть полезна и религиозная и светская литература, как научная, включая несомненно юридическую, так и ненаучная, начиная от мифов и построенных на их сюжетах трагедиях (например об Антигоне), священных писаний, заложивших, в частности, религиозно-нравственные обоснования правосудия и повлиявших на литературу последующих эпох, заканчивая детективами и фантастикой. Можно выделить два основных подхода в определении суда праведного и возмездия справедливого, восходящих к сентенциям Священных писаний либо к догмам римской классической юриспруденции. В первом случае – это суд по Божьей правде, милостивый, а судья – безгрешный, во втором случае – это суд справедливый. Возмездие же понимается и как кара, и как воздаяние (следовательно с негативными или позитивными последствиями). Включение в качестве источников изучения соответствующей литературы в образовательный процесс поможет формированию нравственных, гражданских, профессионально-правовых устоев выпускников юридических вузов, Это малая толика всех широких возможностей интеграции литературных (не специально юридических) форм и средств в юриспруденцию в целях прежде всего повышения уровня правовой культуры, правового просвещения, правового воспитания и образования.

Доцент Академии МВД Республики Беларусь, к.ю.н. **В.И. Павлов** обсудил в своем выступлении возможность конструктивного соотнесения и существования юридического и религиозного пониманий справедливости. На фоне актуальности в современном мире проблемы столкновения право-

вого и религиозного сознаний, когда жизненным становится вопрос различения и взаимоотношения секулярного и религиозного представлений жизни (полемика о правах сексуальных меньшинств и т.д.), для юриспруденции основным вопросом является следующий: может ли религиозная модель справедливости способствовать правовому? Корректный ответ на данный вопрос, по мнению выступавшего, зависит от понимания модели справедливости в религиозном дискурсе (в особенно актуальном для нас восточнохристианском дискурсе), т.е. насколько мы будем соответствовать самой религиозной традиции в таком описании, и как мы представим справедливость в дискурсе юридическом.

Юридическая модель справедливости является порождением римского сознания. Римская правовая традиция в том виде, в котором она дошла до нас, обычно характеризуется свойством формализма. Однако такое представление о римской модели справедливости сформировалось только в эпоху западного Высокого Средневековья глоссаторами, в то время как само римское право представляло собой *ius controversum*. Религиозная же модель справедливости строится на святоотеческой литературе, Священном Предании, которое формируется из целостного органа духовной практики как процесса трансляции методически выстроенного опыта христианской жизни в течение истории христианства подвижниками благочестия. Данная модель справедливости, в отличие от юридической, строится на неформализованной, опытной почве, она всегда обращена не на других (как в правовых отношениях), а, прежде всего, на себя, т.е. она сугубо антропологична. Она разворачивается и строится не столько на базе формальной нормы (заповеди), сколько на базе работы человека с самим собой, поэтому она всегда обращена на себя. В связи с этим можно полагать, считает выступавший, что святоотеческая модель справедливости продуктивна для юридического дискурса только в том случае, когда сама юридически понята справедливость рассматривается в антропологическом, а не институциональном контексте.

Неожиданным и интересным оказалось выступление главного научного сотрудника ИГП РАН, д.ю.н. **Л.С. Мамута**. Задавшись вопросом о том, был ли гетевский герой Фауст субъектом права, выступавший пришел к выводу, что, субъектом права доктор Фауст не был. Подтверждение этому дает целый ряд обстоятельств. Наиболее важный среди элементов

механизма действия права – достижение формального равенства лицами, вступающими в сферу права, абстрагирование (отвлечение) от всех, непременно имманентных им, фактических различий, осуществление ими одинаковости. В первую очередь потому Фауст исключается из числа субъектов права, что решительно невозможно представить его насквозь обезличенным, лишенным качеств, принадлежащих только ему одному. Нельзя отобрать у него ампула неповторимого западноевропейского актора конца XVIII – начала XIX вв., блистательного деятеля эпохи Просвещения. Второй элемент упомянутого механизма «работы» права, который неразрывно сопряжен с правовой «материей» – автономия и свобода лица (категории близкие, но не идентичные).

И.В. Гёте твердо держится убеждения, что выведенный им литературный титан – личность незаурядная, умственно (и нравственно) развитая чрезвычайно, она остро критически воспринимает мир, который ее окружает; Однако, он не идеализирует Фауста, не смотрит на него сквозь розовые очки. Литературному «полубогу» ничто человеческое (все-таки «сын земли») не чуждо: его многожды искушали амбиции, заблуждения, ошибки и прочие людские слабости. Не в состоянии им (субъектом права) быть тот, кто двоедушен, лицемерен, притворен. Им не может являться лицо, нарушающее самые простые нормы нравственности. Право этого не терпит. Выходит, в конце концов, что Фауст уязвим, ущербен как субъект права также с позиции правовой автономии и свободы.

Как пристально ни вчитываться (вглядываться, вслушиваться) в сигналы, подаваемые И.В. Гете, в них смутно, очень уж неразборчиво проступают очертания равнодостоинства, эквивалентности обмена, совершаемого с целью удовлетворения витальных и социальных потребностей. Коль нет такого обмена, стало быть, проблематичен и субъект, накрепко «вмонтированный» в механизм действия, в механизм «работы» права.

Доцент Курского государственного университета, к.и.н. **А.С. Куницын** в сообщении «Образ Антигоны как «вечной героини естественного права» в контексте современности» прежде всего обратил внимание на необходимость взаимосвязи и взаимодействия права и литературы, особенно с учетом общепризнанного литературоцентризма отечественной культуры.

Далее докладчик остановился на обосновании непреходящей актуальности трагедии древнегре-

ческого автора Софокла «Антигона» и детальной характеристике основных подходов к интерпретации и разрешению центрального конфликта трагедии – конфликта Антигоны и царя Креонта. Он уместно напомнил о выводе, к которому еще столетие назад пришел известный немецкий правовед Г. Радбрух: «... трагедия, начиная с Антигоны Софокла вплоть до наших дней, возвеличивает того, кто в таком конфликте между правом и нравственностью не боится нарушения права и его последствий»¹⁰.

С тех пор не одно поколение мыслителей разных стран и времен предлагало свои рецепты разрешения указанного конфликта.

По мнению выступавшего, в современных условиях наиболее перспективным подходом к разрешению «вечного конфликта» Антигоны и Креонта следует считать подход на основе принципа «золотой середины», выражающего идею согласия и компромисса. Вся сложность заключается в необходимости настойчиво и терпеливо, но не поступаясь принципами, двигаться по этому трудному пути, как говорится, «по лезвию бритвы», нащупывая и распутывая тугие узлы, в которые закручена нить современной действительности, в целях достижения баланса сил и интересов, поддержания того подвижного равновесия, которое и составляет основу стабильного и устойчивого развития общества.

Необходимость привлекать в обсуждении правовых смыслов древнегреческой литературы не одну античную трагедию, но и комедию, подчеркнул в своем выступлении аспирант ИГП РАН **Б.Ф. Чалаби**. Обратная традиция сформировалась под влиянием стереотипа о комедии как искусстве «несерьезном». На самом же деле, оба драматических жанра в равной степени исполняли функцию освященной полисом «школы народа», а комедия Аристофана, сверх того, дает древнейший (по сравнению с известным аристотелевским описанием) и самый подробный портрет афинского правосудия V-IV вв. до н.э., представляющий как норму процесса, так и его пороки. Так, в комедии «Осы» безответственные судьи, одержимые желанием «Судить, судить!», да так судить, чтобы никто не ушел оправданным, оказываются заложниками обстоятельств: сочетания собственного демократического энтузиазма «века Перикла» с новыми, вызванными поражением Афин в Пелопонесской войне, кризисными условиями, когда публичная инициатива сошла к минимуму, а водительство в

суде оказалось у демагогов, навязывающих судьям неправые вердикты. Напротив, когда в комедии судьи освобождаются от манипуляций и решают дело беспристрастно, по собственному разумению, вердикт выходит объективным.

Другая мысль встроена в сюжет «Облаков»: с помощью этой комедии даже необразованный афинский обыватель мог в доходчивой форме познакомиться с новейшей тогда софистической идеей различения права и закона. Например, освоивший «юридический курс» в «Мыслильне» Сократа (Аристофаном нелюбимого) повеса Фидиппид, очень точно в отношении законодательной техники моделируя все компоненты афинского нормативного акта, обосновывает необходимость принятия закона, позволяющего сыновьям колотить своих папаш, и делает это настолько убедительно, что наивному родителю остается только согласиться с инициативой – в отличие от зрителя и читателя. Их автор подталкивает к истине: такой закон не имеет с правом ничего общего, а безупречная форма запросто может заключать в себе неправоное содержание.

Одним из самых дискутируемых авторов в свете заявленной тематики чтений не мог не оказаться Франц Кафка. Профессор МГЮА **И.А. Исаев** подготовил сообщение «Тема закона («процесса») у Франца Кафки: литература и юриспруденция». К творчеству писателя обратились и подготовившие со-выступление сотрудники Национальной юридической академии Украины им. Ярослава Мудрого, д.ю.н., профессор **С.И. Максимов** и к.ю.н., ассистент **Н.И. Сатохина**. Вновь обратившись к кафкианской проблематике, они констатировали: реальность Кафки – это мир, в котором всё на удивление возможно и невозможно. И, видимо, не случайно абсурдность мира вообще начинается у Кафки именно с абсурда практикуемого правового начала. Йозеф К., который, «не сделав ничего дурного», попадает под арест и оказывается вовлеченным в загадочный процесс, обнаруживает себя в мире несчетных канцелярий и чиновников... Но только не в мире права. Ибо за формальной составляющей правовой реальности мы так и не обнаруживаем никакого смыслового содержания. Приставленная к герою стража постоянно ссылается на некие предписания, никогда не уточняя, что именно они предписывают. Как становится известным позднее, такими знаниями не обладает вообще никто. Интересно, что, кроме главного героя, никто здесь и не ищет права: став органической составляющей «лабиринта», рас-

¹⁰ Радбрух Г. Введение в науку права. М., 1915. С. 15.

творившись в нем, мы уже не нуждаемся в выходе. Мир «Процесса» – это мир, в котором невозможно (да и не нужно) мышление, поскольку в этом мире нет места свободе и человеческой субъективности. Многочисленные персонажи романа не просто подчинены власти, они и есть власть. А единственный субъект – главный герой – именно в силу своего одиночества изначально обречен на то, чтобы быть поглощенным системой, как обречена на исчезновение всякая субъективность вне свободной коммуникации. Сам процесс, по сути, и оказался судом над индивидуальной свободой. Право же непостижимо не в силу своей закрытости для понимания, а в силу своего отсутствия. Правовая реальность Кафки – это отсутствующая реальность, поскольку отсутствует правовой субъект, способный придать правовой смысл происходящему.

И все же Кафка изображает вполне реальный мир, упустив лишь одну деталь, отсутствие которой и придает ощущение ирреальности. Что, впрочем, становится очевидным для читателя далеко не сразу, но, став таковым, приобретает значение мощнейшего экспликативного аргумента. Кафкианская реальность – мир, в котором мы живем, но как бы увиденный не нами, нечеловеческим взглядом. Это мир, в котором отсутствует смысл, но которому этот смысл и не нужен. И только человек, смотрящий на него сквозь призму собственной свободы, требует смысла и привносит его в мир. Так, наиболее ценным для нас предметом осмысления оказывается вовсе не то, о чем говорит писатель, а то, о чем он красноречиво умалчивает, но что мы пока еще способны услышать.

Сообщение ассистента Национальной юридической академии Украины им. Ярослава Мудрого, к.ю.н. **Д. А. Вовка** было посвящено описанию правовой реальности, конструируемой в романах-антиутопиях. Автор отметил, что доминантной темой произведений этого жанра является наступление на человеческую свободу и индивидуальность. И право в антиутопиях выступает способом публичного определения и нормирования человеческой несвободы.

Антиутопическое право можно рассматривать в двух измерениях: социальном и собственно юридическом. Социальное измерение отражает цели и ценностные ориентации права как разрушителя свободы. Идеология несвободы в антиутопиях формируется через противопоставление свободы и счастья (Хаксли, Брэдбери), утверждение несовместимости свободы и порядка (Замятин), пара-

доксальное отождествление «мнимой» свободы и «подлинного» рабства (Оруэлл). Юридическое измерение показывает законодательно-технический инструментарий, используемый для установления несвободы. Здесь важны три момента: правила несвободы – многочисленные официальные запреты и обязывания, которые проникают во все сферы жизни человека, включая неправовые (эстетические пристрастия, личные отношения, эмоции, чтение книг и т.д.); как следствие предыдущего – максимальная публичность правовой системы, практически или даже полностью (Оруэлл) лишенной диспозитивных элементов; и правовая неопределенность, которая включает недоступность источников позитивного права, отсутствие четких правовых процедур, непостоянство и ущербность любой правоприменительной практики.

Подводя итог, автор обратил внимание на то, что жанр антиутопии позволяет создать пусть и условную, но яркую и конкретную модель гипотетического развития права в условиях монистического общества, что важно с учетом ограниченности юриспруденции в моделировании и экспериментировании. Антиутопическая реальность дает интересный материал и в аспекте дискуссии о правопонимании, демонстрируя одинаковую губительность абсолютизации и юснатуралистической (Хаксли), и позитивистской парадигмы (Оруэлл). И, наконец, в идеологическом смысле антиутопии выступают еще и действенной «прививкой от тоталитаризма» – общественного проекта, где право это мера человеческой несвободы.

Вне кафкианской и утопической реальностей связь между правом и литературой имеет прикладные, даже утилитарные корреляции – показало со-выступление заведующего кафедрой истории государства и права Сибирского федерального университета, д.ю.н. **С.А. Дробышевского** и доцента того же университета, к.ю.н. **Т.В. Протоповой**. Было справедливо замечено, что право призвано предписывать правильный образ человеческой жизни. Он же зачастую обосновывается и популяризируется в художественной литературе. Причем относительно этого стиля существования человеческих индивидуумов юридические нормы и художественная литература способны находиться в конфликте.

В прозе и поэзии могут формулироваться идеи, и совместимые, и противоречащие закономерностям самосохранения, а также прогресса политически организованного общества. Например, способству-

ют выживанию и совершенствованию отмеченного социального организма трудовая деятельность человеческих индивидуумов, их взаимодействие друг с другом, мирный характер этого общения. Напротив, безделье, воздержание от взаимных контактов или враждебные действия людей друг относительно друга во многих случаях препятствуют самосохранению, а также прогрессу политически организованного общества.

Понимание выделенных закономерностей авторами художественных произведений в состоянии побудить литераторов создавать прозу и поэзию, способствующие выживанию и прогрессу политически организованных обществ. В этом случае соответствующие литературные идеи станут содействовать закреплению упомянутых закономерностей в юридических нормах. В результате право сможет обеспечивать выживание и совершенствование людей, подчиняющихся его предписаниям.

Ведущий научный сотрудник ИГП РАН, к.ю.н. **М.А. Супатаев** в сообщении исходил из того, что тему «право и литература» можно понимать значительно шире – как тему соотношения права и художественной культуры вообще (включая живопись, архитектуру и др.), в том числе, в аспекте динамики и легитимности права, обеспечиваемой соответствием юридических норм традиции и ценностным ориентациям общественного сознания (или его влиятельной части). Вместе с тем, в отличие от морали, религии, нормативных убеждений и других компонентов соционормативной культуры, художественная культура как вид элитарной (профессиональной) культуры в силу своей удаленности от непосредственной сферы социальной регуляции и глубокой индивидуализации (образов, смыслов, значений) оказывает воздействие на легитимацию права в опосредованной форме. Но в отдельные переломные эпохи истории литература, искусство и др. могут иметь большое значение для обеспечения признания и поддержки в общественном сознании новых ценностей, закрепляемых правом.

Что же еще объединяет право и литературу, и какая общая черта позволила на Западе уже с 70-х годов XX века сделать «Право и литературу» дисциплиной, обязательной для изучения на юридических факультетах? Этим вопросом задалась заместитель руководителя Исследовательского центра правовой аргументации Санкт-Петербургского филиала НИУ-ВШЭ **Е.Г. Самохина**. Оказывается, представители амери-

канского движения «Право и литература» предлагают три варианта ответа на эти вопросы, основанных на различных уровнях возможных взаимоотношений этих феноменов.

Во-первых, даже если рассматривать право и литературу как независимые друг от друга отрасли, все же право часто используется в качестве объекта литературных произведений. По словам американского исследователя Р. Уэст, «мы должны проявить внимание к описаниям или изображениям права, которые даются в художественной литературе по той просто причине, что классические литературные произведения могут содержать ту истину о праве, которую не так-то просто найти в ненарративной юриспруденции». «Убить пересмешника» Х. Ли, «Простофиля Вильсон» М. Твена, «Писец Бартлби» Г. Мелвилла, «Судья ее пэров» С. Гласпелл и проч. – все эти художественные произведения, представляющие собой яркий пример нарратива, рассказывают о праве то, что не может поведать ни один официальный источник и ни один ученый-правовед; литературные произведения повествуют о роли права в жизни тех, кто ему подчиняется, тех, кто его применяет и создает и тех, кто умышленно игнорирует право.

Вторая причина, по которой взаимоотношения права и литературы изучаются в высшей школе, состоит в том, что литературные произведения могут иметь правовое содержание, также как и правовые тексты могут стать литературными. Это утверждение, кажущееся на первый взгляд абсурдным, требует немедленного уточнения: в современном мире несомненно очевидно, что между позитивным правом, принятым государствами в соответствии с определенной процедурой, и вымышленными, повествовательными произведениями существует большая разница. У литературных произведений нет ни той политической власти, ни той нормативной составляющей, которой обладает право. Тем не менее, по свидетельству американских исследователей, четкая граница между правовыми и литературными текстами не может быть обнаружена. Так, Р. Фергюсон утверждает, что «во времена Джефферсона и в до-формалистскую эру развития американского права» юристы рассматривали право как часть единой культурной сети, включающей в себя не только Комментарии У. Блэкстона, общее право и практику Верховного суда, но и литературные, религиозные, политические и даже научные произведения. По мысли Фергюсона, правознание

(по крайней мере для лучших юристов) должно охватывать законы природы, общества, риторики, поэтики, философии наряду с позитивными законами¹¹.

Третья причина, делающая возможным и необходимым совместное исследование права и литературы, заключается в характерной для обоих феноменов текстуальной объективации. Как все текстуальные источники, и право, и литература нуждаются в интерпретации. В данном смысле все правила и приемы, используемые для интерпретации художественных произведений, могут быть использованы для толкования правовых текстов.

Исследование соотношения права и литературы открывает широкие возможности для толкования права и правовой аргументации, поскольку рассматривая литературу в качестве части права, мы получаем возможность апеллировать к литературным образам в судебной аргументации (как в речах участников процесса, так и в судебных решениях). Использование литературного образа в аргументации перед судом присяжных, к примеру, позволяет более эффективно донести позицию защиты или обвинения до всех участников процесса, как присяжных, так и судьи, по сравнению с апелляцией лишь к законам или судебной практике, которые релевантны только для профессиональных участников.

Начальник Самарского юридического института ФСИН, д.ю.н. **Р.А. Ромашов** посвятил свое выступление такому специфическому явлению человеческой жизни, как тюремное заключение.

Обычно оно представляет собой своеобразную параллельную реальность, в большинстве случаев ассоциируемую с адом. Вместе с тем, в реальной жизни отождествлять тюрьму и ад нельзя. Ад олицетворяет зло во всем. Не вызывает и не может вызывать сомнений правомерность и справедливость божественного решения об отправлении в ад. В аду однозначно негативно характеризуются и грешники и бесы. Обратного пути из ада нет.

В тюрьме в качестве осужденных находятся живые люди, среди которых немало тех, в отношении кого судебное решение носило ошибочный либо сфальсифицированный характер. Судья оценивает не человека, а лишь его поступок. Проблемы греховности/праведности человеческой жизни в целом в компетенцию судебного правоприменения не входят. Безусловно, не могут и не должны

отождествляться с бесами сотрудники тюремных учреждений. Тюрьма, в отличие от ада есть промежуточный этап в жизни человека. Если использовать литературные аналогии, то более логичным представляется сравнивать тюрьму не с адом, а с «Градом земным» (Св. Августин), жителями которого являются и праведники, и грешники.

В отечественной литературной традиции, тема тюрьмы получила наиболее образное отражение в произведениях «Остров Сахалин» А. Чехова, «Архипелаг ГУЛАГ» А. Солженицына, «Зона» С. Довлатова. Качественно отличаются статусы авторов, определяющие их отношение к предмету описания. Чехов – это сторонний наблюдатель, Солженицын – политический «зэка», Давлатов – лагерный охранник. Нет ничего странного, что в полном смысле адом, тюрьма является только для Солженицына. Для него ужасным является все: несправедливость ареста, предвзятость следствия и суда, условия содержания, насилие со стороны уголовного элемента и администрации.

Для Чехова и Довлатова тюремная система, по сути, есть воплощенный в России «Град Земной», в котором в концентрированном виде представлены те же проблемы, которые характерны для российского общества в целом. А.Чехов описывает каторгу, как одну из составляющих социально-хозяйственной системы о. Сахалин. Довлатов, не только не стремится к устрашению аудитории описанием многочисленных ужасов тюремной действительности, но придает им гротескный характер. Если для Солженицына, политические заключенные это бесправные жертвы режима, отправленные в ГУЛАГовский ад, то и для Чехова и особенно для Довлатова, население тюремного «Града Земного» – это люди, которые не зависимо от статуса, продолжают оставаться людьми, со свойственной всем людям способностью совершать праведные и греховные поступки.

Профессор УрГЮА, д.ю.н. **С.В. Кодан** в сообщении «Записки из мертвого дома» Ф.М. Достоевского: личный опыт тюремной жизни в художественной обработке» показал истоки зарождения в России литературного жанра, получившего название «лагерная проза», уходящего к анализируемому произведению Ф.М. Достоевского. Отправленный на каторгу по делу петрашевцев, Достоевский вынес из острога личный жизненный и духовный опыт, положенный им в основу художественной обработки в описании каторги в Омске. «Записки из мертвого дома» (1860-1862 гг.) соединили в себе черты до-

¹¹ См.: *Ferguson R.A. Law and Letters in American Culture*. Cambridge (Mass.), 1984.

кументальности, мемуаристики и художественной литературы, и как многогранное произведение, стали не только уникальным отражением каторжной жизни самого Достоевского, но и представили видение художником ответа на главный вопрос – что делает тюрьма с Человеком? Достоевский показывает, что на каторге можно потерять надежду и нравственно погибнуть, но и можно возродиться – обрести новый смысл жизни, осознать ее ценность. Достоевский реализует обозначенную им основную идею записок – «откопать человека» в каждом из обитателей острога, показать выявить ценность и неповторимость его человеческой индивидуальности, которую не смогли уничтожить все жестокости каторги. Произведение Ф.М. Достоевского повлекло усиленное внимание в обществе к тюрьме, каторге, ссылке. Русские писатели С.В. Максимов («Сибирь и каторга», 1871) А.П. Чехов («Остров Сахалин», 1890-1896), американский писатель и журналист Дж. Кеннан («Сибирь и ссылка», 1891) и др. показали русскому и зарубежному читателю состояние российских тюрем, каторги и поселений, изобразил портреты и быт каторжан и ссыльных. В российской юриспруденции тема лишения свободы в различных формах – тюрьма, каторга, поселения, высылка – со второй половины начинает занимать одно из ведущих мест в работах русских юристов (Д.А. Дриль, В.Д. Жижин, А.Ф. Кони, С.В. Познышев, Н.С. Таганцев И.Я. Фойницкий и др.). В XX столетии уже советская лагерная жизнь нашла отражения в произведениях А.И. Солженицына, В.Т. Шаламова, Л. Э. Разгона, Е. С. Гинзбург, С.Д. Довлатова и Л.А. Габышева и др.

В своем выступлении старший научный сотрудник ИГП РАН, к.ю.н. **М.И. Левина** остановилась на оригинальном сквозном сюжете о «заячьем тулупчике», у таких разных авторов, как А.С. Пушкин и Ю.О. Домбровский, появляющемся в связи с переживаниями героями относительно ценностного конфликта между законом и милосердием. История с поданным Петрушей Гриневым ссыльному Емельяну Пугачеву «тулупчиком» является завязкой в пушкинской «Капитанской дочке». Много позже уже могущественный и безжалостный предводитель бунтовщиков вынужден пощадить его, поскольку только так, по его представлениям, может поступить истинный государь, милующий того, кто помог ему в трудную минуту. С другой стороны, императрица Екатерина милует Петрушу Гринева сначала ради заслуг его отца, а затем ради дочери капитана Миронова. В романе Домбровского «Факультет

ненужных вещей» есть свой «заячий тулупчик», которым бывалый зек когда-то помог ссыльному И. Джугашвили. Но право, милосердие, сострадание, справедливый закон и многое другое здесь оказываются в стороне. Власть не может без всякого закона преследовать и казнить неугодных ей сограждан, только с отсылкой на закон. Сталин, милующий своего земляка за «тулупчик», лицемерно рассуждает о своем подчинении закону и потому якобы по своему произволу не может никого ни карать, ни миловать. В обоих произведениях содержится характерное обсуждение темы свободы человека. Свободным человек в обоих повествованиях оказывается, находясь в самом сердце жестокой системы. Свободен по самоощущению Петруша Гринев, ожидающий смерти в тюрьме, но выполнивший свой высший долг – долг чести. Свободен главный герой Домбровского, находясь в карцере после бесконечного конвейера допросов; свободны люди в пересыльной тюрьме, поскольку им больше нечего терять. Они свободны помимо закона и вопреки ему.

Представление определенного набора «новшеств», привнесенных в публичное правовое мышление советской властью, содержало и выступление доцента Воронежского государственного университета, к.ю.н. **В.В. Денисенко**. Предметом его обсуждения стало творчество А.А. Платонова – писателя, как никто подходящего для художественно-образного отображения политического сознания народа, идей справедливости и правды, исходящих от человека. «...А без меня народ не полный...» – писал он сам. В СССР его труды стали известны позже, чем на Западе: основные работы были изданы лишь в конце 80-х XX века, а полного собрания сочинений нет до сих пор. Поэтому объяснимо, почему у многих исследователей сложился образ писателя запрещенного, критика Коммунистической утопии, противника революции и советской власти.

Но это не так: именно труды А.Платонова отражают эпоху Революции, эпоху преобразований, с позиций ее сторонника. Отличие от официальной Сталинской литературы лишь в том, что он показывает, несмотря на философские образы, свой неповторимый язык – реальность, а не пропаганду. В повести-мистереии «14 красных избушек», романе «Чевенгур», повести «Город Градов» он не раз упоминает о том, что не формализм законов, а сознание субъекта суть источник развития, жизни. Платонов – человек рабочего происхождения, участник Гражданской войны в рядах Красной Армии – и

именно в его работах мы можем найти отражение революционного правосознания.

Почти все работы А.П.Платонова содержат неоднократные примеры действий власти на основе *революционного* правосознания, в основе которого лежат не формальные правила, достижения (в том числе и юридической) науки, а целесообразность, идущая от практики. Например, в пьесе-мистерии «14 красных избушек» председатель колхоза исходя из революционного правосознания, по ее словам, убивает соратника как классового врага. Причем её действия признают законными. Более того Платонов сознательно показывает в качестве одного из героев пьесы западного философа, который пожив в коммуны, сам проникается интересами и сознанием Революции и убивает из «классовых побуждений». В связи с этим следует отметить правосознание самого писателя, было ли оно полностью основано на классовой целесообразности? Безусловно – нет, Платонов пишет: «Революция как паровоз, а революционеры как машинисты». Платонов отражает в своих произведениях эпоху сознание Революции, но сам приходит к ценности человека, приоритету человека, а не классовых ценностей. Что человек ждет от революции, по каким Законам жить? вот о чем не раз ставит вопросы и отвечает Платонов. Смысл жизни и истина всемирного происхождения», по мнению повествователя «Котлована», теряют свое значение «если нет маленького, верного человека, в котором истина стала бы радостью и движеньем».

Истина один из главных вопросов, познание которой необходимо – Главному герою «Котлована» «без истины стыдно жить», и потому он отказывается от «производства», от участия в позоре и бессмыслице общественной жизни и пускается в путь, ища ответы на свои экзистенциальные вопросы. Во многих своих трудах Платонов выступал против беспредметной схоластики, которая легко делает «произвольные выводы» из «действительного факта», в романе «Счастливая Москва» критикуется ученый Сарториус, который ищет «...какого-то пассивного... счастья, вообще «истины».

Поэтому, несмотря на то, что Платонов всегда оставался сторонником Революции его правосознание не было тождественно революционному и классовому. В своих трудах он показывает ценность человека и бесперспективность пустоту мира, построенного на потере человека ради великих абстрактных целей.

Профессор Московского университета МВД РФ, д.ю.н. **К.Е. Сигалов** в сообщении «Детектив

как отражение специфики национальной правовой культуры» отметил, что каждая историческая эпоха обладает своей эстетикой, которая воплощается как в материальном, так и духовном восприятии мира. Начала литературы – это назидания: т.е. как правильно делать и почему это важно для человека и мира. Как только появляются элементы свободымыслия, сразу же появляются альтернативные способы художественного изложения представления людей о своем месте в мире. Средневековые возвысили эстетику рыцарского романа, альтернативой которому был роман плутовской. Авантюрное время Возрождения предполагало воспевание доблести первооткрывателей, путешественников, исследователей нового. В дальнейшем, когда авантюрный период первооткрывателей выдохся, а Реформация сделала своё дело, доблестью стала считаться буржуазная порядочность.

Между тем, рядовой гражданин, будучи в глубине души существом законопослушным, также всегда нуждался в некоем кураже, благородном авантюризме, что и было воплощено в детективе, когда благородный новый рыцарь борется со злом преступности и тупостью окружающих. В средневековой Западной Европе впервые в мире обратили внимания и стали бороться с общественной позиции с таким противозаконным явлением как уголовная преступность.

В зависимости от национального характера различаются: роли участников детектива как правового действия, финал детектива, тип правового мышления, знание законов, умение пользоваться правом и злоупотребление им, законопослушность граждан, участие второстепенных персонажей в расследовании, перенос центра тяжести расследования на полицейские службы или на частных лиц, психологическая, моральная и даже религиозная составляющая и др. Проблема правопонимания и борьбы с преступностью всегда были предметом эстетического осмысления действительности. Если главный герой классического французского детектива – комиссар Мегрэ, представитель власти, то героем классического английского или американского детектива чаще всего становятся частные сыщики (Шерлок Холмс, Эркюль Пуаро), адвокаты (Перри Мэйсон) или мисс Марпл. Приватность гораздо выше в англо-американском праве, а деэтизация, минимальное вмешательство государства в жизнь граждан – принципом жизни этих стран. Российский или французский детектив чаще всего заканчива-

ется задержанием преступника, английский или американский – поединком в суде, где весь сюжет романа может многократно поменяться. Адвокат, прокурор, судья гораздо чаще встречаются на страницах английских и американских детективов, демонстрируя тем самым «пронизанность» правом жизни в англо-американской правовой системе.

Особую специфику имеет и русский детектив, который прошёл путь не меньший, нежели западный – в «снятом виде» присутствует практически в большинстве основных произведений русской классической литературы.

Выступление профессора Европейского гуманитарного университета (г. Вильнюс), к.ю.н. **А.А. Соколовой** вернуло аудиторию к произведениям А.С. Пушкина. Они хранят сокровищницу нравственно-правовых ценностей, на которых воспитывалось не одно поколение молодых людей. Тематика его литературных творений затрагивает разные события *повседневной жизни*. Однако при тщательном изучении художественных произведений явно или в завуалированной форме обнаруживаются представления поэта о праве, справедливости, юридической и судебной деятельности (иными словами, *авторское правосознание*). И хотя «чисто» правовых идей в его творениях удалось обнаружить немного, философское толкование идеи свободы пронизывает многие его произведения. В частности, анализируются два стихотворения – «Свободы сеятель пустынный...» и «Из Пиндемонти» – своеобразный гимн правам человека, аксиологическое кредо, в котором выражено авторское понимание идеи свободы как идеи универсальной. Свободолюбивые, подчас опережающие свой век, прогрессивные идеи сочинений Пушкина сыграли определяющую роль в формировании демократического общественного сознания XIX века.

По мнению выступавшей, тематика «Право и литература» призвана привлечь внимание академической корпорации, в том числе юных юристов-исследователей, профессиональный портрет которых зависит и от их междисциплинарной образованности, к изучению текстов художественных произведений, выступающих источниками правовых идей различных исторических эпох, иллюстрирующих эволюцию институтов права, и в целом отражающих элементы правовой культуры различных народов.

А.Н. Окара, к.ю.н., взял на себя труд представить правовые аллюзии творчества Н.В. Гоголя, социально-философские и политико-правовые взгляды которого в литературе изучены недостаточно.

Было, в частности, замечено, что творчестве Гоголя получает максимальное развитие за всю историю русской словесности представление о художественной литературе не просто как о развлекательной беллетристике, искусстве слова, совокупности художественных текстов, но как о средстве для теургии – преображения бытия. Центральная тема всего гоголевского творчества, пронизывающая и его художественные произведения, и статьи, и письма, и книгу «Выбранные места из переписки с друзьями», — это преображение, теургия, уподобление земного существования и его отдельных составляющих (государства, хозяйства, классовой структуры общества, политики, технологий управления, верховной власти) представлениям о Царствии Небесном.

Один из центральных вопросов гармоничного социального порядка у Гоголя — соотношение церкви и государства. С одной стороны, государство должно исполнять функции нравственного и религиозного просвещения и руководства народом, наполнять подданных христианской любовью и стремлением к свету, т.е. функции церкви. И подобный тезис лежит вполне в русле концепции полицейского патерналистского государства. Но, с другой стороны, самой церкви предписывается наводить порядок в государстве и нести ему Свет Христов. Получается, государство должно уподобиться церкви в целом и даже монастырю («Монастырь ваш — Россия»), что позволяет идентифицировать идеальный, в понимании Гоголя, политический режим как теократию.

Представления Гоголя о государстве, праве, политике, сущности верховной власти, об историческом предназначении России носят, без сомнения, утопический характер. Однако утопический гипертекст Гоголя о тотальном преображении бытия может рассматриваться как вполне целостный и завершённый манифест социальной теургии, как социальное учение, находящееся в той же линии преемственности, в которой находятся учение ранних славянофилов о соборности, учение Соловьёва о всеединстве, «философия общего дела» Федорова, концепт Сухово-Кобылина о «всемире» и т.д.

Дважды на философско-правовых чтениях докладчики обращались к творчеству Л.Н. Толстого. Так, с докладом «Лев Толстой как зеркало русского правосознания» выступил д.ю.н., профессор СПбГУ **И.Ю. Козлихин**. Доцент РАНХиГС, к.ю.н. **К.П. Краковский** посвятил свое выступление всего одному роману Л.Н. Толстого – «Воскресению», основанному на реальном правовом сюжете, который

был подарен Толстому выдающимся правоведом А.Ф. Кони. Но, в то же время, роман стал воплощением философской концепции самого Толстого, в которой суд как государственный институт получил резко негативную оценку. 15 из 28 глав романа посвящены политическим заключенным, однако эпитафам им здесь видеть не следует. Политические преступники у Толстого – люди, заблуждающиеся настолько, насколько они хотят проводить свои идеи путем насилия. Но, тем не менее, он находит в их поведении много возвышенного, прежде всего в том, что они служат идее, и служат не как наставники, не как проповедники, не как правители, а как товарищи, как сотрудники, как сострадающие. Симпатии автора на их стороне. Позднее в брошюре «Не могу молчать (о смертных казнях)», опубликованной в 1908 г. в Берлине, Л.Н. Толстой осудит революционеров, считая, что они «бьют мимо цели», и, сверх того, творят убийства, грабежи, подрывы. При этом однако, Толстой оговаривает: «революционеры делают то же, что и правительство».

При всей идеалистичности постановки Л.Н. Толстым вопросов о политической преступности, о государстве, отвечавшем суровой репрессией на «борьбу за свободу народа», он может быть признан объективным судьей в затянувшемся на два века споре юридических школ, двух идеологий: либеральной и консервативной.

Содержательным и остроумным оказалось представление позиции докторанта Эдинбургского университета, к.ю.н. **А.Н. Остроух**. «Настало время, – считает автор, – для выделения ещё одной отдельной области познания права – юридического литературоведения». Это область правоведения, занимающаяся изучением политико-правовых систем, институтов, норм, идей и взглядов в том виде, в каком они были воплощены в тех или иных памятниках литературы. Выдающийся русский юрист и судебный оратор XIX в. А.Ф.Кони говорил, что «у юриста общая культура должна идти впереди специальной». Юридическое литературоведение может стать такой областью знания, которая позволит развивать и общую, и специальную культуру одновременно. Их взаимосвязи позволили лучше понять суть такого многогранного явления, как право.

Именно отражение политико-правовых закономерностей и феноменов в литературе явилось одним из импульсов развития правовой мысли не только в позитивной, опытной сфере, но и в ее всеобщем объективном смысле. Изначально политические

и государственно-правовые идеи выражались в литературных произведениях, и только позже подобные рода трактаты группируются в отдельные отрасли человеческих знаний: философию права, политологию и т.д. Равным образом, основополагающие принципы идеальных систем права, критика существующих государственно-правовых порядков, оценка исторического пути правовой системы той или иной страны впервые прозвучали не только со страниц философских трактатов, но и были вложены в уста героев широко известных нам литературных произведений. Так, например, глубокое положение «весь смысл законов заключается в охране интересов каждого гражданина. Руководства природы и разума достаточно для разумных существ, какими мы себя считаем» является цитатой из «Приключения Гулливера» Дж. Свифта, в российской традиции считающихся приключенческим и даже детским произведением. Демонстрацию предмета и основных методов юридического литературоведения также возможно произвести на основе «Двенадцати стульев» и «Золотого теленка» И. Ильфа и Е. Петрова – замечательных произведений, содержащих, к тому же, фундаментальные идеи, касающиеся права. На страницах той или иной книги как бы кристаллизуется само время, застывает существовавшая общественно-политическая система со всеми ее достоинствами и недостатками, с ее героями и актерами, воплощаются мысли современников о настоящем и их надежды на будущее.

Литературному жанру публицистики, качественно отличающемуся от подробно рассмотренных произведений жанра художественного, но все же вполне допустимого к обсуждению в контексте темы «Право и литература», были посвящены представленные к обсуждению тезисы профессора РГПУ им. А.И. Герцена, д.ю.н. **А.А. Дорской** об исследованиях реакции публицистов на вероисповедные реформы начала XX в., и выступление заведующей кафедрой теории и истории государства и права РУДН, д.ю.н. **М.В. Немытиной** об особенностях политической публицистики М.Н. Каткова. Исследовательница в этой связи утверждает, что отражение правовой жизни общества, юридических институтов, содержания законодательства и судебной практики в литературе публицистической вызывает не меньший интерес, чем художественное отображение образов права в литературе. Публицистические статьи, приближенные во времени к происходящим событиям,

оказывают огромное влияние на читателей. Власть использует публицистику в качестве мощного средства идеологического воздействия на общество, подчас рискуя попасть под ее влияние. Яркий пример тому публицистика М.Н. Каткова, талантливого литератора второй половины XIX в., занимавшего «положение государственного деятеля без государственной должности» и приобретшего благодаря своему публицистическому дару «неслыханную диктатуру над умами», по меткому определению начальника Главного управления по делам печати Е.М. Феоктистова. Можно предположить, что М.Н. Катков в своих передовых статьях в «Московских ведомостях» не только отражал взгляды правительства, но и в определенный период формировал их. Так, по воспоминаниям того же Е.М. Феоктистова, К.П. Победоносцев, «зачитывался» статьями «Московских ведомостей», направленными против нового суда, и аккуратно посылал их Александру III.

Многотомное «Собрание передовых статей «Московских ведомостей» за 1864-1886 гг. имеет множество тематических разделов, по которым в контексте внутренней политики двух императоров – Александра II и Александра III – можно исследовать разные предметные области. В частности, реализацию судебной реформы 1864 г. Процесс реформирования, так успешно начатый государственными деятелями из окружения Александра II, постепенно перестал быть им же подконтрольным. Внимательное прочтение статей М.Н. Каткова позволяет проследить поворот в политике пореформенного самодержавия, переход от либерализма к охранительству.

В конце 50-х – начале 60-х гг. XIX в. М.Н. Катков в своих статьях выступал за необходимость проведения судебной реформы, отстаивал и популярно разъяснял либеральные принципы и институты судостроительства и судопроизводства. Спустя год после открытия новых судебных установлений, похвалы М.Н. Каткова новому суду заметно поубавились, к 1869-ому году и вовсе сошли на нет. Окончательный поворот в оценке М.Н. Катковым новых судов произошел в 1871 г. под влиянием политического процесса по так называемому делу нечаевцев, что может служить иллюстрацией тезиса о переходе правительства к судебной контрреформе именно в этот период.

В 80-е годы М.Н. Катков обрушился с яростными нападениями на новые судебные порядки. «Самодержавием в самодержавии» называл М.Н. Катков судебскую несменяемость и независимость. «Суд

улицы», «суд толпы», «игрушка в руках защиты» – так звучали его определения в адрес суда присяжных. В статьях известного российского публициста настойчиво проводилась мысль о несоответствии институтов судебной реформы 1864 г. устоям российского общества и государства.

Отрадно, что на Восьмых философско-правовых чтениях были в той или иной степени освещены почти все намеченные проблемные области. В стороне остался, пожалуй, лишь вопрос о значении литературного творчества в практической деятельности юриста – судебного оратора, в то время как «риторическое» назначение курсов «право и литература» в мировых учебных заведениях обычно заявляется одним из основных. Примечателен здесь прозвучавший рассказ А.И. Ковлера о деле *Hadri-Vionnet v. Switzerland*, слушавшемся в Европейском суде по правам человека в 2008 г. Переубедить судей, явно склонявшихся к признанию отказа матери в получении позволения на похороны мертворожденного не нарушающим ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, тогда помогли «евангельские» строки из «Реквиема» Ахматовой: «Магдалина билась и рыдала, / Ученик любимый каменел, / А туда, где молча Мать стояла, / Так никто взглянуть и не посмел».

Таким образом, главное предназначение Восьмых чтений выполнено – обсуждение темы «Право и литература», ранее присутствовавшей в исследованиях правоведов постсоветских государств в скрытом виде, теперь вышло «на свет» и стало признанной темой, пригодной к обсуждению на страницах как междисциплинарных, так и собственно юридических изданий.

Список участников

Восьмых философско-правовых чтений

Михаил Валерьевич Антонов – доцент Санкт-Петербургского филиала НИУ-ВШЭ, кандидат юридических наук

Юрий Михайлович Батулин – член-корреспондент РАН, директор Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, доктор юридических наук, профессор

Ирина Валерьевна Борц – младший научный сотрудник ИГП РАН, кандидат юридических наук

Дмитрий Александрович Бочаров – доцент Академии таможенной службы Украины, кандидат юридических наук

Юрий Юрьевич Ветютнев – доцент Волгоградского государственного университета, кандидат юридических наук

Дмитрий Александрович Вовк – ассистент Национальной юридической академии Украины им. Ярослава Мудрого, кандидат юридических наук

Людмила Ивановна Глухарева – профессор РГГУ, доктор юридических наук

Владимир Георгиевич Графский – заведующий сектором истории государства, права и политических учений ИГП РАН, доктор юридических наук, профессор

Александра Андреевна Дорская – заведующая кафедрой международного права РГПУ им. А.И. Герцена, доктор юридических наук, профессор

Сергей Александрович Дробышевский – заведующий кафедрой истории государства и права Юридического института Сибирского федерального университета, доктор юридических наук, профессор

Надежда Николаевна Ефремова – ведущий научный сотрудник ИГП РАН, кандидат юридических наук, профессор

Игорь Андреевич Исаев – заведующий кафедрой истории государства и права МГЮА, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ

Анатолий Иванович Ковлер – советник Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ

Сергей Владимирович Кодан – профессор УрГЮА, доктор юридических наук, заслуженный юрист РФ

Игорь Юрьевич Козлихин – профессор кафедры теории и истории государства и права СПбГУ, доктор юридических наук, заслуженный деятель науки РФ

Аркадий Владимирович Корнев – профессор МГЮА, доктор юридических наук

Константин Петрович Краковский – доцент РАНХиГС, кандидат юридических наук

Владимир Иванович Крусс – заведующий кафедрой теории государства и права Тверского государственного университета, доктор юридических наук, профессор

Александр Степанович Куницын – доцент Курского государственного университета, кандидат исторических наук

Людмила Евгеньевна Лаптева – ведущий научный сотрудник ИГП РАН, доктор юридических наук, профессор

Мария Ильинична Левина – старший научный сотрудник ИГП РАН, кандидат юридических наук, доцент

Сергей Иванович Максимов – профессор Национальной юридической академии Украины им. Ярослава Мудрого, доктор юридических наук

Валерий Петрович Малахов – начальник кафедры теории государства и права Московского университета МВД РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ

Леонид Соломонович Мамут – главный научный сотрудник ИГП РАН, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ

Геннадий Илларионович Муромцев – профессор РУДН, доктор юридических наук

Марина Викторовна Немытина – заведующая кафедрой теории и истории государства и права РУДН, доктор юридических наук, профессор

Андрей Николаевич Окара – директор Центра восточноевропейских исследований, кандидат юридических наук

Ася Николаевна Остроух – докторант Эдинбургского университета, кандидат юридических наук, доцент

Вадим Иванович Павлов – начальник кафедры теории и истории государства и права Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент

Юрий Евгеньевич Пермяков – доцент Самарского государственного университета, кандидат юридических наук

Татьяна Витальевна Протопопова – доцент Сибирского федерального университета, кандидат юридических наук

Роман Анатольевич Ромашов – начальник Самарского юридического института ФСИН РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ

Екатерина Геннадьевна Самохина – зам. руководителя Исследовательского центра правовой аргументации и нормативности права Санкт-Петербургского филиала НИУ-ВШЭ

Наталья Ивановна Сатохина – ассистент кафедры философии Национальной юридической академии Украины им. Ярослава Мудрого, кандидат юридических наук

Константин Елизарович Сигалов – профессор Московского университета МВД РФ, доктор юридических наук

Алла Анатольевна Соколова – профессор Европейского гуманитарного университета г. Вильнюс, кандидат юридических наук

Алексей Вячеславович Стовба – доцент Национальной юридической академии Украины им. Ярослава Мудрого, кандидат юридических наук

Эрих Юрьевич Соловьев – главный научный сотрудник Института философии РАН, доктор философских наук, профессор

Мурат Абдыкасимович Сунатаев – ведущий научный сотрудник ИГП РАН, кандидат юридических наук, доцент

Василий Алексеевич Токарев – доцент Самарской государственной областной академии (Наянковой), кандидат юридических наук

Елена Владимировна Тимошина – доцент СПбГУ, кандидат юридических наук

Башир Фахедович Чалаби – аспирант ИГП РАН

Илья Львович Честнов – профессор Санкт-Петербургского юридического института Генеральной прокуратуры РФ, доктор юридических наук

Библиография:

1. Binder G., Weisberg R.H.. Literary Criticisms of Law. Princeton (NJ), 2000
2. Dolin K.A. Critical Introduction to Law and Literature. Cambr., 2007.
3. Ferguson R.A. Law and Letters in American Culture. Cambridge (Mass.), 1984
4. Kahn P.W. Law and Love: The Trials of King Lear. New Haven, 2000.
5. Kaufmann A. Recht und Gnade in der Literatur. Boorberg etc., 1991
6. Literatur und Recht: Literarische Rechtsfälle von der Antike bis in die Gegenwart. Kolloquium der Akademie der Wissenschaften in Göttingen im Februar 1995 / Hrsg. v. U. Mölk. Gött., 1996.
7. Ost F. Traduire: défense et illustration du multilinguisme. Paris, 2009
8. Posner R.A. Law and Literature: A Misunderstood Relation. Cambridge (Mass.), 1988
9. Ward I. Law and Literature: Possibilities and Perspectives. Cambr., 1995
10. Weisberg R.H. Poethics, and other strategies of law and literature. N.Y., 1992.
11. Williams M. Law and the Humanities: A Question of Integrity // International Journal of Law in Context. Vol.5. 2009. P. 243-261.
12. White J. B. The Legal Imagination: studies in the Nature of Legal Thought and Expressions. Boston, 1973.
13. Wigmore J.H. A List of Legal Novels // Illinois Law Review, Vol. 2. 1908
14. <http://www.eurnll.org/>-European Network for Law and Literature

References (transliteration):

1. Binder G., Weisberg R.H.. Literary Criticisms of Law. Princeton (NJ), 2000
2. Dolin K.A. Critical Introduction to Law and Literature. Cambr., 2007.
3. Ferguson R.A. Law and Letters in American Culture. Cambridge (Mass.), 1984
4. Kahn P.W. Law and Love: The Trials of King Lear. New Haven, 2000.
5. Kaufmann A. Recht und Gnade in der Literatur. Boorberg etc., 1991
6. Ost F. Traduire: défense et illustration du multilinguisme. Paris, 2009
7. Posner R.A. Law and Literature: A Misunderstood Relation. Cambridge (Mass.), 1988
8. Ward I. Law and Literature: Possibilities and Perspectives. Cambr., 1995
9. Weisberg R.H. Poethics, and other strategies of law and literature. N.Y., 1992.
10. Williams M. Law and the Humanities: A Question of Integrity // International Journal of Law in Context. Vol.5. 2009. P. 243-261.
11. White J. B. The Legal Imagination: studies in the Nature of Legal Thought and Expressions. Boston, 1973.
12. Wigmore J.H. A List of Legal Novels // Illinois Law Review, Vol. 2. 1908